

Окончание. Начало на 3 стр.

— С Миуса. На память, — глухо ответил Семен.

А на утро, когда дети еще спали и петухи первыми заголосили побудку, Семен Макеев достал из сундучка медали «За отвагу» (их было у него три), почистил их тряпочкой, потертой о беленую мелом стену дома, осторожно привинтил орден «Отечественной войны» к мундиру и молча стал собираться.

— Куда ты так рано? — спросила жена.

— Надо, Паша, надо.

— Ордена-то зачем?

— Надо, жена, надо.

Собирался неторопливо. У жены защемило сердце, когда Семен подошел к кровати, в которой спали малышки Миша и Лена.

— Небось, ненадолго уезжаешь?

— Не на войну иду, не беспокойся. Вернусь.

— И что это тебе вздумалось?

— Нет, поеду. Тянет туда. Будто сердце там мое зарыто. Двадцать лет с лишним прошло, а я ни разу не побывал на Миусе. Места там хорошие. Может, жить махнем туда? Сады там какие, Паша! У нас вот нет таких деревьев. Весной, помню, сады зацвели.

— Ну, начал теперь вспоминать, — всплеснула руками жена.

— Ладно, не буду...

До станции Серебряково добрался на попутном грузовике. Затем сел на поезд, а в Волгограде взял билет на паром.

Случилось так, что этим же пароходом ехала группа немецких туристов в Ростов. «Надо же, — размышлял Семен Макеев, — немцы из федералки рядом со мной... на одном пароходе... Может, вот этот толстый, в сером костюме в меня стрелял... Убил Ваню, Семена... А может быть, тот вон, в пен-

сне и яркой рубашке, брата моего жизни лишил?... Вот же, черт возьми!..»

Показались белые ворота шлюза Волго-Донского судоходного канала. «Чудище какое! — с восхищением осматривал шлюз Семен. — И на что только не способен наш народ!»

И опять Семен с неодобрением посмотрел в сторону туристов.

Было уже за полдень, когда «Илья Муромец» миновал десятый шлюз, и к вечеру Семен прощально махнул рукой последнему, одиннадцатому шлюзу с фигурами скачущих казаков.

«Вот она, донская земля!» — шумно вдохнул воздух Семен.

Свечерело. Вместе с сумерками пришла тишина, удивительная и необыкновенная в этих местах. Издалека слышался всплеск воды. В лунном столбе плавило серебро волн. Спящий Дон очаровывал!.. Потянуло прохладой. Бисеринки воды залетали на палубу. Все разошлись спать, а Семен, околдованный ночным пейзажем, погрузившись в свои раздумья, сидел, одинокий, на корме.

Снился жестокий бой под Ростовом у поселка Рыбачий. Лейтенант Туз — высокий, сухопарый командир стрелковой роты, то и дело подавал команду: «Вперед!» Бойцы под пулетным огнем бежали к железнодорожной насыпи, за которой скрывались гитлеровцы. Семен нажимал на спусковой крючок автомата, но автомат не стрелял. Кончились патроны. (Тогда они действительно кончились). К ногам его упал мертвый сержант Миша Кошеваров, пулей смертельно ранило взводного младшего лейтенанта Струка...

Он вышел на палубу. Свинцовые тучи заслоняли горизонт. Холодный ветер продувал мундир. Багровел восток. Рассветало. Позавтракав, Семен снова занял место на корме. Вскоре сюда пришли все пассажиры.

— Смотрите, — обратился он к соседу, — вон откуда мы наступали. А тут пулемет стоял. Вон... Видите! Видите деревцо слева... Вон насыпь... Там Миша упал. Упал и не встал. И взводный тоже... Пуля ему в грудь...

В РОСТОВЕ старый фронтовик никого из знакомых не встретил. На улице Ангелса, у поворота к вокзалу, долго стоял перед домом, из окна которого стрелял по фашистам. Хотел зайти к жильцам его, но никого из них не оказалось: уехали на дачу. Победив наспех в столовой, Семен сел в автобус, шедший рейсом «Ростов — Матвеев-Курган». На подъезде к районному поселку сердце бывшего воина затропилось: миусские высотки дрожавшие в знойном мареве, вызвали в нем душевное волнение.

— Стой, — попросил он глухо шофера. — Остановись, браток. Я сойду.

— До остановки еще далеко, — пояснил водитель.

— Остановись. Пешком пойду. Тяжело мне...

Было далеко за полдень, когда Семен Макеев взобрался на знакомую высотку.

«Вот он, Миус-фронт! Вот где жизнь в обнимку со смертью ходила. Вот и тот скат, где Андрияша Воробьев во время атаки упал. Там, на берегу реки, разорвало миной Ваню Железникова... А там могила Вани Чурюмова...». Семен почувствовал удущие от нахлынувших чувств. Бледный, растерянный, сняв с головы фуражку, стоял воин, обдуваемый сухим ветром Приазовья.

Прошла женщина краем оврага. В руках несла сверток. Остановилась. Наверное, печальный вид Семена и на нее подействовал.

— Не могилу чью ищешь? — спросила она.

— Я тут воевал, — с достоинством ответил Семен. — Ишь, как все заросло! Как будто и не было тут совсем передовой. А не примете ли в свой колхоз жить? — неожиданно спросил он.

Женщина глянула ласково.

— Жить остаться хотите здесь?

— Останусь... Тут все мне родное, — обвел он рукой округ.

— Зайдите к директору. У нас совхоз.

— Зайду! Обязательно зайду, — сказал уверенно Семен.

Макеев, не торопясь, ходил по тропинкам, поросшим полынью. Ветер шевелил его седые волосы, обдувал лицо, покрывшее морщинами. Медали блестили на солнце и мягко и тонко звенели при каждом его движении. Казалось, они переговариваются с человеком, с которым вместе шагали по дорогам войны.

Семен снова окинул взглядом знакомые до боли холмы, реку, сады... Шел август. Сейчас, как и тогда, в сорок третьем году, в садах зрели яблоки, груши. Нетронутыми падали они в траву, несъеденными гнили на земле. Ни сорвать их, ни взять. Мины! Кругом мины. Мины противопехотные.

Блестела извилистая лента реки Миус.

Семен достал из кармана бархатный мешочек, шагнул к яме, из которой торчал скрученный лист дюралья и, присев, погрузил ладонь в теплый сухой чернозем.

П. БЕЛЯКОВ.

РОСТОВ.
ВТОРНИК, 19 ноября
17.00 — Программа передач.
17.05 — Телевизионные новости.
17.15 — Проблема дня. «НОТ — дело каждого». 17.45 — День Дона.
18.00 — Для дошкольников и

лисси. Ведет передачу музыковед С. Виноградова. В перерыве — Телевизионные новости. 22.15 — «Мастера искусств». Народный артист СССР М. Прудкин. 22.30 — «Только факты». Программа передач. Музыкальный маяк.